

УРОКИ ВЕСТЕРНИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ "ПОСТ-1989". СОЦИОГУМАНИТАРНАЯ КРИТИКА

Автор: Н. В. КОРОВИЦЫНА

КОРОВИЦЫНА Наталья Васильевна - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала "Восточноевропейские исследования" (E-mail: korovicyna@vei-21.ru).

Аннотация. Анализируются важнейшие социокультурные последствия событий ноября 1989 г., совершившегося 20 лет назад распада социалистического содружества и общности славянского мира. Критические оценки результатов трансформаций конца XX в. основываются на выводах современных исследований восточноевропейских и западных социологов, представлений о Пражской весне 1968 г, как точке отсчета на пути к бархатным революциям и несоответствии культурно-исторического опыта данного региона целям и ценностям политики вестернизации (американизации).

Ключевые слова: Восточная Европа - внешний фактор - либеральная модернизация - социальный шок - традиционные ценности - неолиберализм

"Пост-1989" - это период после "конца коммунизма", для западных восточноевропейских исследований не столь очевидного сравнительно с господствующими на территории самого бывшего восточного блока представлениями. Сейчас не может быть сомнений в том, что социальные и культурные структуры предшествующих периодов не исчезли здесь в одночасье, а лишь постепенно видоизменяются; все более отчетливо проступают черты общественного развития последнего 20-летия, во многом общие

для стран распавшегося социалистического содружества. Вопрос, чем же на самом деле был 1989 г. для Центральной и Восточной Европы, как и 1991 г. для России, остается ключевым в социальной науке и общественной жизни стран региона на протяжении 1990 - 2000-х гг. Но и 10, и 20 лет спустя на старте совершенно нового исторического этапа он остается без ясного ответа [1].

В конце 2000-х гг. в зарубежной общественной науке все отчетливее проявляется интерес к теме последствий бархатных революций, казалось, давно и безвозвратно угасший после завершения интеграции стран региона в ЕС и НАТО. Тема их форсированной вестернизации, радикальной смены вектора развития с восточного на западный на рубеже 1980 - 1990-х гг. под воздействием привлекательности прежде всего американского общества, отождествлявшегося тогда со свободой и материальным изобилием, рассматривается ныне с иной точки зрения. Не политической и экономической, а *социокультурного содержания* преобразований для данного региона и всего современного мира.

Надо констатировать, что градус критики с Запада феномена "пост-1989", как ни удивительно, заметно выше отечественного. Переоценка либеральной трансформации конца XX в. в Восточной Европе, осознание неолиберализма как формы "транзитологии", разрушений не только прежнего общественного строя, но и всей традиционной системы ценностей были неизбежны. Этот процесс реализовался сейчас, хотя шел с самого начала 1990-х гг. Трудности его в значительной степени вызваны распадом интеллектуального, научного, культурного пространства, еще более сокрушительного, чем экономического. Связи восточноевропейцев с российскими учеными были фактически прерваны, а между соседями по региону Центральной и Юго-Восточной Европы контакты возобновлялись уже при посредничестве структур Евросоюза, на их финансовой и, соответственно, идеологической основе [2].

1989 г. с его бархатными революциями завершает социокультурную динамику стран региона, начиная с переломного 1968 г., событий Пражской весны. Их можно считать точкой отсчета, в определенном смысле симметричной нынешнему моменту, тоже очевидному поворотному для судеб народов региона, их движения уже не в восточном, а в западном направлении. Как и 40 лет назад, центральное значение приобретает сейчас поиск национальных моделей общественного развития и возрождение культурного своеобразия народов, преодоление последствий уже не советизации, а вестернизации. Что, впрочем, не отменяет, а, напротив, подтверждает *единство* и специфику *восточноевропейского пути развития*, сформировавшегося в результате одновременных и однонаправленных преобразований середины и конца XX в. [3]. Западная логика классификации общества по экономическим интересам здесь вторична, а пресловутая "восточноевропейская отсталость" означает лишь то, что слабость экономики и институциональной сферы компенсируется смещением политической активности в сферу культурную. Историческое господство не экономического, а именно *культурного капитала* традиционно предопределяет центральную роль интеллигенции в общественной жизни Востока Европы [4].

Осуществление мечты о "возвращении в Европу" обернулось для ее восточной части обвальная либерализацией - идеологией предпринимателей, которые никогда не олицетворяли восточноевропейскую культуру. Экспансия этой идеологии, ставшей в Восточной Европе идеологией политического класса (за отсутствием иных ее массовых носителей), приобрела характер социального шока. Через шоковую адаптацию должны были пройти национальные элиты. А для простого восточноевропейца, социализированного в иной системе ценностей, шоковое состояние стало естественной частью повседневности. Главным фактором адаптации к либеральному мироустройству выступила, как ни парадоксально, традиционная основа ближайших *социальных связей*: люди, лишённые семейной поддержки, даже потерявшие друзей, оказались в наиболее неблагоприятной ситуации [5].

Политический и экономический переход совершался в условиях острой культурной коллизии, столкновения традиционных и социалистических ценностей, с одной

стороны, и новых, рыночных, - с другой. В конечном счете, не материальные факторы, как поляризация доходов, понижение уровня жизни или социального статуса, появление безработицы, наконец, всплеск потребительского изобилия явились главным событием восточноевропейской жизни периода "пост-1989".

Предшествующая этому периоду модернизация, программа которой была реализована к началу 1980-х гг., достигла значительных результатов. В преддверии перестройки обществу были возвращены гражданские свободы и национальные ценности. Применительно к рубежу 1970 - 1980-х гг. можно говорить о том, что удалось покончить с преимущественно аграрным и сельским характером большинства стран региона, существовавшим еще в середине XX в. Однако словацкое и польское общества, не говоря о балканских, стали городскими только по социальным показателям, но не по культурным, ментальным. Оставаясь в условиях консервативной социалистической модернизации по сути сельскими, восточноевропейские общества по-прежнему тяготели к коллективистским, эгалитарным ценностям, жизненному укладу патриархальной семьи. Семейноцентричный, но осовремененный тип демографического поведения и новая, народная, но продолжающая традиции старой, интеллигенция - два главных, на мой взгляд, достижения альтернативного, социалистического модерн-проекта в сфере общественной жизни. Они образовали социокультурный фундамент восточноевропейского общества как современного, но отличного от западного. Именно эти две структуры и стали главными жертвами либерализации начала 1990-х гг., приведшей к демографической революции и индивидуализации сознания.

Досовременный, в западном смысле, антипредпринимательский, антикапиталистический настрой И. Беренд считает особенностью данного региона, корни которого уходят в историю намного глубже XX в. Дворянско-крестьянские, преобразившиеся в интеллигентско-рабочие общества, не знали и чуждались буржуазных ценностей и видов деятельности, связанных с индивидуальным обогащением. Элиты здесь исторически рекрутировались из обедневшего дворянства с его преимущественно патриотическими и религиозными ценностями [5]. Культурный капитал на протяжении двух столетий оставался практически единственным ресурсом, передававшимся из поколения в поколение в семьях польской или венгерской интеллигенции. Аристократический дух, "антиматериализм", идея гражданского служения, особая, незаменимая роль, даже миссия литераторов и историков, идеалы равенства (особенно для чехов) пронизывали социокультурную ткань "другой Европы", неразрывно соединяя эти страны с Россией - независимо от смены систем и эпох. Совпадают выводы И. Беренда и с мыслями польского социолога Э. Мокшицкого, высказывавшимися еще в первой половине 1990-х гг.¹ Об отсутствии в Восточной Европе накануне 1989 г. социальной силы, ради и в интересах которой совершалась трансплантация рыночной культуры, спустя почти полтора десятилетия после Э. Мокшицкого пишет Д. Лейн [7]. Создание такого класса об-

¹ Наиболее полно они отражены в книге "Democracy, civil society and pluralism" Ed. Ch. Bryant, E. Mokrzycki. Warszawa, 1995. Уже спустя три года после реформ Е. Мокшицкий констатировал изменение отношения к ним в Польше, видя главный фактор сопротивления переменам не в снижении уровня жизни, а в несогласии с происходящей социальной деградацией; особую остроту общественного перехода в Польше связывал с мощным присутствием в стране сохранившегося в условиях соцмодернизации класса крестьянства и, конечно, традиционной интеллигенции, институтов и групп-интересов социалистического и досоциалистического периодов. В статье "Новый средний класс?" [см.: 5, 6] он отвергает неолиберальное представление об этом классе как "ключе к будущему", идентифицируемом только с нарождающимися собственниками и предпринимателями, "новыми капиталистами". При этом крестьянам, даже самым преуспевающим, и интеллигенции не находилось места в рядах этого нового класса в силу специфики самой неолиберальной идеологии, отвергающей не только коммунистическое, но и докоммунистическое прошлое Восточной Европы. Стремление посадить совершенно новое дерево, не восстановив старые корни, удаляя ненужные отростки, двигало радикал-реформаторами. Резкий упадок той части интеллигенции, которая вполне соответствует западной концепции knowledge class и обеспечивает воспроизводство этого класса, вело к важным структурным переменам в обществе, последствия которых со временем предстают все очевиднее.

щества - "среднего", как предполагали реформаторы, только еще должно произойти в ходе реформ. *Генерированные извне сдвиги и ценности* Д. Лейн считает ответственными за распространение капиталистической идеологии. Не внутренние экономические интересы, по Марксу, а именно внешне инспирированные культурные влияния, прежде всего интенсивно насаждавшаяся в преддверии политических перемен идеология консюмеризма породили запрос на структурные перемены в регионе. С начала 1980-х, когда традиционная социалистическая идеология была отброшена, западные развлекательные программы воцарились на польском и венгерском телевидении². Даже в пережившей "нормализацию" после 1968 г. Чехословакии эти программы стали преимущественно импортными. Главный результат соцмодернизации - *новая интеллигенция* - впервые заявляет о себе во время событий Пражской весны в наиболее цивилизационно продвинутой Чехословакии. Этой социальной группе суждено было сыграть ведущую роль в процессах вестернизации общества восточноевропейского типа, подразумеваемая под ней прежде всего *потребительскую модернизацию*, которая началась на Западе в 1960-е гг. В 1968 г. чешская интеллигенция выступила с требованием соответствия ее повысившегося культурного статуса материальному. Данный мотив будет многократно усилен спустя двадцатилетие в результате образовательной революции 1970-х, когда на общественную сцену всех стран региона выйдет второе, уже *массовое поколение городской интеллигенции*. В период между Пражской весной и бархатными революциями сформировалась, таким образом, сила, сокрушившая создавший ее общественный строй. М. Зелинская назвала это поколение "арьергардом реального социализма" [8]. Речь идет о *первом глобальном поколении*, или поколении культурной глобализации, которая явилась продолжением модернизации и "игры для двоих" - Запада, находящегося во власти американской цивилизации, и возникшей "однородной группы действующих лиц" - восточноевропейских обществ.

Переход к потребительскому обществу в Восточной Европе был "заморожен" чехословацкой "нормализацией", отложен на два десятилетия. Смена морального климата, настоящая культурная революция развернулась здесь лишь в результате событий 1989 г. И первая революция эпохи информационного общества: период - осень 1988 г. - лето 1990 г. - считается, например, в Венгрии "золотым веком" свободы слова. Одна из первых в истории человечества полномасштабная медийная война создала в странах региона всеобщее критическое отношение к существующему режиму. Однако уже во второй половине 1990-х гг. в Польше, единственной стране региона, где существовало массовое протестное движение "Солидарность", произошел драматический спад общественной поддержки и капиталистической экономики, и рыночной демократии. Не удивительно, ибо действия составлявшего это движение и стремительно распавшегося после смены режима союза молодых рабочих и интеллигенции крупных промышленных предприятий, возникших в годы первых пятилеток, не были мотивированы ценностями либеральной экономики. Они "находились под сильным влиянием негативных идеологических чувств, нацеленных главным образом, - как считает Э. Аллард, - против монополии партии на власть на низовом уровне". Он обращает внимание на то, что в 1989 г. во всех странах отсутствовало организованное движение с выраженной и систематизированной идеологией: "революция началась внизу, закончившись почти в то же время, что и началась". "Бархатная революция упала с неба", к ней не были готовы ни представители Хартии-77, ни другие оппозиционные группы, ни правящая партийная и государственная власть, подтверждали в Чехии [9].

² Идеологию денег, внедряющуюся в восточноевропейское культурное пространство, сравнивают по степени влияния с коммунистической идеологией, например, К. Занусси в обеих видел "соблазн" особенно для интеллигенции, в конце XX в. увлекшейся капиталистической утопией, американскими потребительскими артефактами "от джинсов до джипов".

"Десоветизация" Восточной Европы привела скорее к упадку ее культурной жизни, чем к возрождению национальных культур. Возводя в 1990-е годы здание имитационного капитализма для удовлетворения своих материальных, консюмеристских потребностей, рассматриваемая группа стран превратилась в регион "культурной бури" (Я. Ковач) [10, с. 163, 171]. Вторая и завершающая волна послевоенной модернизации восточноевропейского общества, скрытая за взаимосвязанными лозунгами "интеграции в Европу" и "перехода к демократии и рынку" и захватившая сферу духовной жизни, вызвала переход к совершенно новым ценностям. Либеральная политическая и экономическая трансформация "пост-1989" или вестернизация сопровождалась драматическим увеличением роли капитала в логике развития постсоциалистического общества и в судьбе отдельного человека. Тезис о том, что культурный капитал утратил доминирующее значение, а интеллигенция, символ восточноевропейской отсталости, умерла, господствовал в период "пост-1989". Почти незамеченным на таком фоне прошел распад крестьянства, численность которого в рассматриваемой группе стран в результате реформ упала практически одновременно.

В 1990-е гг. из стран с максимальной в Европе рождаемостью восточноевропейские страны превратились в регион с одним из самых низких значений этого показателя в мире. В результате "эпидемии" разводов в католической Польше (их число возросло в 1990 - 2006 гг. на 70%) эта страна переживает серьезную демографическую депрессию, признаки завершения которой отсутствуют. Польские демографы задаются вопросом: способно ли недавно появившееся "поколение Иоанна Павла II" вернуться к традиционной семье, противостоя воздействию проводников идеи дезинтеграции семьи и безбрачного сожительства - СМИ и массовых миграций на Запад? В Болгарии в 1990 г. доля детей, рожденных вне брака, составляла 12,4%, в 2003 г. - уже 46,1% [11]. *Потребительство*, обращают внимание болгарские социологи, несовместимо с привычными для этого народа ценностями, связанными с экономностью и разумным потреблением. (Оно вступало в противоречие и с пропагандировавшимися во время социализма моральными нормами, осуждавшими вещеманию как "болезнь капитализма".) После полувекового периода декларированного всеобщего равенства в Болгарии, пишет М. Келиян, вырастает вестернизированный "зажиточный класс" (leisure class), для представителей которого потребление превращается в спектакль и в средство демонстрации статуса. Это разрушает моральные ценности и социальную интеграцию, как на уровне отдельных сообществ, так и общества в целом [12].

Следует отдать должное социологам стран региона, прежде всего центральноевропейским, которые последовательно осуществляют социогуманитарную критику либеральной трансформации, не ограничиваясь навязывавшимся концептом адаптации к вынужденным переменам, или "прагматичной аккомодации", выраженной верой, что подчинение облегчает жизнь. Их оценке³ конца 2000-х и начала 1990 гг. принципиально не различаются [13].

Итак, случилась, на наш взгляд, трансформация, - явление большего социально-исторического масштаба, чем предшествующие социалистические преобразования с их индустриализацией, урбанизацией, образовательной революцией, массовой мобильностью всех видов, но - при консервации базисных ценностей и способов поведения людей. Преобразования "пост-1989" подразумевали изменение ментальности, со-

³ Так И. Беренд ссылается в основном на результаты международных сравнительных исследований системных изменений в посткоммунистических странах под руководством поляка В. Адамского и чеха П. Махонина [см.: 5]. Их совместная деятельность при поддержке и участии французских, а затем немецких специалистов продолжалась десятилетие. Она увенчалась Пражской конференцией 2001 г., материалы которой полностью опубликованы в журнале "Социологические исследования" в NN 5 - 9 2002 г. [14]. Эта инициатива нашла продолжение в создании обществоведами России и стран Центральной и Восточной Европы Международного журнала по социальным и гуманитарным наукам "Восточноевропейские исследования", который выходит в РАН с 2005 г. (См.: <http://www.vei-21.ru>). [14].

знания восточноевропейца в том виде, как оно сформировалось, конечно, не только по результатам соцмодернизации, а главным образом - исторически. В восточноевропейском обществе после 1989 г., даже в Чехии с ее наиболее стабильными культурными реалиями, произошел разительный сдвиг в структуре ценностей [15].

Социальное бедствие всегда в первую очередь *культурный, а не экономический феномен*, не соотносимый с динамикой уровня доходов, писал Карл Полањи в классическом труде "Великая Трансформация" [16]. И вестернизацию, развернувшуюся после событий 1989 г., относят именно к такому типу моральной революции (независимо от различий в оценке произошедшего). А. Н. Данилов обращает внимание на то, что это "пока единственный в истории случай, когда большая группа стран пытается воспроизвести на своих территориях социально-культурный опыт других стран" [17].

О дезориентированности сознания восточноевропейцев как проявлении шокового (определявшего и как "шизофреническое") состояния общества свидетельствовали хотя бы резкие колебания в склонности к эгалитарным ценностям поляков, первыми оказавшимися во власти перемен. Динамика этих склонностей имела U-образный характер. Эгалитаризм был чрезвычайно силен в период революции Солидарности 1980 - 1981 г., свидетельствуя о ее некапиталистической сущности. Затем эгалитарные взгляды шли на спад вплоть до момента смены систем в 1989 г., а потом опять росли, особенно после 1995 г. Требования большего равенства оставались массовым явлением спустя десятилетие либеральных реформ в Польше. В Венгрии в 1990 - 1991 гг. опросы показывали, что у половины населения новая демократия ассоциировалась с большим социальным равенством [18].

В условиях существования Берлинской стены зрело убеждение: "что хорошо, то западное, и что западное, то хорошо" [см.: 15]. Многие кардинально изменилось с "превращением этой стены в дверь", то есть открытием Востока Европы Западу, когда восходящая экономическая мобильность нередко сопровождалась нисходящей социальной мобильностью, потерей приобретенного статуса и квалификации. Социологические исследования, проведенные в странах к 10-летию событий 1989 г., служат *документом глубины культурной травмы* этих обществ. Результаты этих исследований свидетельствуют о поразительной синхронности в процессах истощения в начале второй половины 1990-х гг. массовой поддержки модели трансформации во всех бывших социалистических странах.

В Словакии в середине 2000-х г., оценивая различные периоды современной истории, опрошенные отдали приоритет периодам 1970-х и 1980-х гг., с небольшой разницей - даже 1960-м годам. Одновременно самую отрицательную оценку получило настоящее время - период посттрансформации. Традиционное словацкое сознание отторгает распространяемую через СМИ мораль, упрощающую и искажающую действительность [19].

В книге "From transition to globalization: new challenges for politics? The media and society", вышедшей в Будапеште в 2007 г. [см.: 9], отмечается, что в последние несколько лет решение триединой задачи рыночных преобразований, интеграции в институты ЕС и глобальную экономику в Венгрии вступило в затяжной кризис. Это произошло на фоне восстановления экономического роста, функционирования рыночных механизмов, многопартийной парламентской демократии, наличия политических прав и свобод, хотя и при низком участии и интересе к политике населения. Однако снижающаяся солидарность и взаимное доверие более важный показатель "интеграции в Европу", чем введение единого евро. По итогам преобразований Э. Ханкишем сделан вывод: произошла не революция средних классов, а буржуазная революция. В большинстве своем "социально бесчувственная" новая буржуазия ведет себя наподобие своих предшественников в XIX в., стремясь к максимизации доходов и мгновенной отдаче инвестиций. Вместе с тем даже мелкая буржуазия эпохи Кадара после 1989 г. начала постепенно пролетаризироваться [см.: 9]. (Х. Доманьский отмечал драматическое снижение доходов в частном бизнесе в Польше в период либерализации 1991 - 1993 гг. [20].) Самым важным, по Э. Ханкишу, признаком "перехода" служит опасный

регресс сознания и поведения, поразивший венгерское общество особенно в последние годы: Великая Трансформация привела к тому, что определяется им как Великий Регресс.

В условиях слабой развитости гражданского общества недостаточны механизмы и институты коллективной самообороны против идеологии международного финансово-экономического капитала, пишет Э. Шалаи. Реальная социальная основа критического отношения к этим идеологиям в Восточной Европе лишь начала формироваться. Какой же выход? И. Витаньи делает вывод о принципиальном различии двух типов развития - центра и периферии, с приоритетом, соответственно, экономического и политического факторов, называя их органическими и неорганическими. Последний - восточноевропейский, в котором доминирующее значение наследия феодализма всегда остается непреодолимым барьером модернизации [см.: 9]. Это, думаю, взгляд из "до-1989".

Новое поколение восточноевропейской интеллигенции предлагает иное видение ситуации и выхода из нее. Т. Зарицкий видит признаки завершения трансформации "пост-1989" и поворота к консервативному развитию в Польше в середине 2000-х гг., связывая его, в частности, с началом возвращения традиционной интеллигенцией лидирующих общественных позиций. Предшествующие полтора десятилетия в данном случае - лишь короткий эпизод в ускоряющем свой ход историческом процессе. Согласно такому видению, "пост-1989" предстает как преимущественно деструктивный, но очевидно неизбежный, последовавший за соцстроительством, период восточноевропейской истории, "предельное" проявление полувековой, догоняющей Запад модернизации, ее кульминация. Как феномен Солидарность ("Пиррова Солидарность") Т. Зарицкий считает мифом, но явившимся проявлением морального единства нации, ставшим со временем ключевым элементом польского культурного капитала [21].

Социогуманитарная критика общественных перемен рубежа 1980 - 1990 гг. в Восточной Европе началась с Запада. Поддержка там восточноевропейских исследований в немалой степени вызвана заинтересованностью в поиске способов преодоления естественно-исторических барьеров развития стран региона, обозначающихся все более отчетливо. Я имею в виду попытки преодоления path-dependency - зависимости от предшествующего развития, которую откровенно игнорировали радикал-реформаторы начала 1990-х г. (в том числе российские).

Ряд западных публикаций последних лет посвящен, в частности, теме доверия в обществах, переживших трансформацию. Оно подорвано резкими переменами, независимыми от уровня экономического спада "пост-1989". Доверие, по результатам другого исследования, оказалось подорванным безотносительно и к успехам в демократизации общества, более того, обнаружено негативное влияние на уровень доверия процессов демократизации рубежа 1980 - 1990-х гг. Общества, наименее модифицированные переменами, сохранили больший потенциал доверия по сравнению с опережающими в процессах демократизации, маркетизации, а значит, индивидуализации странами [22].

По объективным показателям *гражданская культура* (измеряемая участием в политических дискуссиях, политической активностью, тендерным и национальным равенством, толерантностью, социальным доверием) в посткоммунистических странах резко снизилась в 1990 - 1995 г., и, достигнув минимальных значений в середине прошедшего десятилетия, начала потом постепенно восстанавливаться [23].

Конец 2000-х гг. - время начала *развенчания мифов* - революций и последующей шоковой трансформации. Социальная наука стоит сейчас на пороге объективной, непредвзятой оценки двух общественных систем второй половины XX в., анализа альтернативных путей послевоенного развития - западного и восточноевропейского - и способов интеграции в современный мир на основе двух систем ценностей. Появляются первые результаты переосмысления исторического опыта "до-1989" и "пост-1989". Плодотворно в этом контексте сравнение различных сторон западногерманского и восточногерманского типов общественного развития, в частности, способов модерни-

зации демографического воспроизводства на примере ГДР и ФРГ. Гендерное равенство, реализуемое преимущественно через производственную активность женщин, было общей нормой, а не предметом выбора в Восточной Германии. В 1988 г. работало 83% женщин в ГДР, но 55% в Западной Германии. Системное изменение не привело к изменению сложившегося положения, восточногерманские женщины по-прежнему более склонны сочетать трудовую и семейную жизнь. Причем западные немцы со сменой поколений скорее меняли свои взгляды под влиянием восточных. Распространение внебрачных форм семьи в Восточной Европе "пост-1989" шло в условиях экономического кризиса преимущественно в низкообразованных и низкостатусных слоях населения, под влиянием преимущественно материальных факторов, а не как у передовых высокообразованных контингентов, как на Западе.

Классическую теорию "тихой революции", сформулированную более трех десятилетий назад американцем Р. Инглхартом и господствовавшую все это время в общественной науке, ставят под сомнение последние социальные разработки. Они показывают, что эта революция преимущественно в политических ценностях представляет собой сдвиг не столько в балансе материализма и постматериализма, сколько увеличение гетерогенности (пост)материалистических ценностных приоритетов. Поэтому характерное для западного человека преимущество политических и экономических факторов над культурными сохраняется и в постиндустриальную эпоху [24].

В 2000-е гг. нарастает резко критическое отношение к современной фазе или варианту развития *западной цивилизации - конъюмеристской, радикально индивидуалистической и тесно связанной с медийной культурой*. В столкновении потребительской цивилизации с традиционной видит Э. Ханкиш главную коллизию ближайших десятилетий. Как две последовательные фазы одной цивилизации рассматривается более поздняя из них - Европа, утратившая свою душу, и более ранняя, она же - религиозная Россия [25]. Важность поиска новых точек отсчета для сравнения двух частей Европы вызвана тем, что "жители Восточной Европы по многим показателям продвинулись дальше по дороге постмодерна, чем страны Западной Европы, лишь следующие за ними" [см.: 9].

Сама *теория посткоммунистической трансформации как перехода к западной модели развития* сложилась в начале 1990-х гг., явившись, по мнению А. Пикеля, политическим, практическим проектом, в котором социальная наука играет инструментальную, подчиненную роль. Не что иное, как стратегия трансформации требовала от стран "второго" мира структурной адаптации к правилам глобальной экономики в соответствии с западными, точнее американскими ценностями и заповедями "Вашингтонского консенсуса" [26].

В обзоре перемен в социальной теории по ключевым событиям и процессам 1990-х гг. А. Пикеля и К. Мюллера раскрыта *смена парадигм посткоммунистической трансформации* в западной науке [27]. Подтверждено (как отмечалось выше), что уже с середины 1990-х гг. - сразу после "шоковой терапии", когда кризисное восточноевропейское развитие бросило вызов принятым после 1989 г. концепциям трансформации, и неоллибералы не могли уйти от признания реалий, еще не оценив их значения для теории, - все больше обществоведов на Западе выражало иные взгляды. Уже тогда либеральная демократия перестает восприниматься как единственно "правильная игра в городе". Рассматриваемая линия достигла критической точки к концу 1990-х гг., а практических политических результатов - в 2000-е гг., сообщив новый импульс пробуждающимся социогуманитарным наукам, движимым силами той части интеллигенции, которая выдержала суровое испытание происходящей трансформацией. Им, возвращающим свою идентичность и положение в обществе, суждено ныне стать субъектом завершения периода "пост-1989" в Восточной Европе, открытия заново национальных эндогенных качеств, традиций, ценностей, возвращения к мышлению в категориях национальных интересов и решительного преодоления наследия имитационной трансфор-

мации, которое было характерно для двух поколений новой интеллигенции второй половины XX в. Не ограничиваясь научной ретроспективой вопроса, мы задумываемся об упущенных возможностях, их высокой исторической, человеческой "цене" и для нашей страны. В частности, попытаемся понять, что же препятствовало становлению социогуманитарных восточноевропейских исследований в России не только в середине 1990-х, но и в середине 2000-х гг. и **как преодолеть разрушительные последствия 20-летней форсированной вестернизации славянского мира.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Skovajsa M. Conference 1989 and beyond // Sociologicky casopis/Czech Sociological Review. 2008. N 2. С 461.
2. Мюллер К. "Европа" по определению Брюсселя? // Восточноевропейские исследования. Международный журнал по социальным и гуманитарным наукам (далее - ВЕИ). 2005. N 2.
3. Коровицына Н. С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.
4. Zarycki T. Kapital kulturowy. Inteligencja w Polsce i w Rosji. Warszawa, 2008; Zarycki T. Cultural capital and the political role of the intelligentsia in Poland // The Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2003. N 4.
5. Berend I. Social shock in transforming Central and Eastern Europe // Communist and Post-Communist Studies. 2007. N 3. С. 269 - 280; Mokrzycki E. A new middle class? Democracy, civil society and pluralism. Ed. Ch. Bryant, E. Mokrzycki. Warszawa, 1995; Speder Z., Paski B., Elekes Z. Anomie and stratification at the beginning of the nineties // Social report 1998. Budapest: TARKI, 1999; Альберт Ф., Давид Б. Межчеловеческие отношения в Венгрии в последнем десятилетии XX столетия // ВЕИ. 2008. N 8.
6. Fiszman J. Education and social mobility in People's Poland // The Polish Review. 1971. N 3; Kurczewska J. Democracy in Poland: Traditions and contexts // Democracy, civil society and pluralism. С. 86.
7. Lane D. From state socialism to capitalism: the role of class and the world system // Communist and Post-Communist Studies. 2006. N 2. С. 135 - 152.
8. Zielinska M. Ariegarda realnego socjalizmu. Spoleczne biografie pokolenia stanu wojennego. Zielona Gora, 2006; также см.; Коровицына Н. В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX века. М., 1999.
9. Коровицына Н. В. Самая "бархатная" революция: "чешский человек" на фоне общественных перемен // Славяноведение. 2000. N 3; Она же. Восточноевропейская динамика и перспектива ее изучения // ВЕИ. 2007. N 5; From transition to globalization: new challenges for politics, the media and society. Ed. J. Bayer, I. Jensen. Budapest, 2007; Structural change and modernization in post-socialist societies. Ed. W. Adamski, P. Machonin. W. Zapf. Hamburg, 2002; Аллард Э. Сомнительные достоинства теории модернизации // Социол. исслед. 2002. N 9; Kucera M. Obyvatelstvo eeskych zemi ve 20. stolen' // Dejiny obyvatelstva Cesky'ch zemi. Praha, 1996.
10. Многоликая глобализация. М., 2004.
11. Гашкова Г. Структурные и ценностные факторы создания семьи в чешском обществе // ВЕИ. 2007. N 5. С. 19; Сланы К. Плюрализация форм брака и семьи в Польше // ВЕИ. 2007. N 5, с. 48; Куздова Э. Изменение норм и ценностей супружества и семьи в постсоциалистической Болгарии: новый брачный переход // ВЕИ. 2007. N 5.
12. Келиян М. Модели потребления в современной Болгарии // ВЕИ. 2008. N 8.
13. Рихард А., Внук-Липинский Э. Источники политической стабильности и нестабильности в Польше // Социол. исслед. 2002. N 9.
14. См.: Коровицына Н. В., Махачек Л. Новый этап сотрудничества восточноевропейских обществоведов: опыт международных сравнительных исследований после 1989 г. // ВЕИ. 2005. N 1; Коровицына Н. В. Сравнительный опыт общественных преобразований в постсоциалистических странах // Социол. исслед. 2002. N 5; Korovitsyna N. V. Comparative experience of societal transformations in the postsocialist countries // Sociological Research. 2004. N 1.
15. Kula M. Diuga droga Polski do Europy // Przegląd humanistyczny. 2006. N 3. С. 1 - 9; Тучек М. Сплоченность общества в чешском восприятии. // ВЕИ. 2006. N 3, с. 65.
16. Polanyi K. The Great Transformation. The political and economic origins of our age. 1944.
17. Данилов А. Н. Постсоветская трансформация - выбор будущего для всего мира // ВЕИ. 2005. N 1, с. 55.
18. Адамский В., Заборовский В., Пелчиньска-Налэнч К. Динамика структурного конфликта в ходе смены системы: Польша в 1980 - 2000 // Социол. исслед. 2002. N 6, с. 56; Шпедер Ж., Элекеш Ж., Гарча И., Роберт П. Очерк трансформации в Венгрии // Социол. исслед. 2002. N 5.
19. Мороквасич М. Пересечение границ и преодоление разделительных рубежей в "post-wall" Европе: тендерный аспект миграция // ВЕИ. 2007. N 5; Пекник М., Плавкова О. Особенности формирования исторического сознания граждан Словакии // ВЕИ. 2007. N 6, с. 104; Глухман В. "Телемораль" в Словакии // ВЕИ. 2008. N 8.
20. Доманьский Х. Появление в Польше меритократии // Социол. исслед. 2002. N 6.

21. *Зарицкий Т.* Идеалы польской "Солидарности" через четверть века // ВЕИ. 2006. N 4; *Он же.* Традиционные символические ресурсы интеллигенции перед лицом вызовов глобализации // ВЕИ. 2008. N 8.
22. *Sapsford R., Abbott P.* Trust, confidence and social environment on post-communist societies // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. N 1, с. 69; *Letki N., Evans G.* Endogenizing social trust: democratization in East-Central Europe // *British Journal of Political Science*. 2005. N 3, с 521.
23. *Janmaat J. G.* Civic culture in Western and Eastern Europe // *Archives European Journal of Sociology*. 2006. N 2. С. 387 - 389; *Ganev V.* Post-communism as an episode of state building: a reversed Tillyan perspective // *Communist and Post-Communist Studies*. 2006. N 4. С. 425.
24. *Lee K., Alwin D., Tufis P.* Beliefs about women's labour in the reunified Germany, 1991 - 2004 // *European Sociological Review*. 2007. N 4; *Moors G., Vermunt J.* Heterogeneity in post-materialist value priorities. Evidence from a latent class discrete choice approach // *European Sociological Review*. 2007. N 5.
25. *Hankiss E.* Proletarian Renaissance. An essay on consumer civilization // *Essays in contemporary civilization*. Budapest, 2000. С. 36.
26. *Picket A.* Transformation theory: scientific or political? // *Communist and Post-Communist Studies*. 2002. N 1.
27. *Мюллер К., Пикель А.* Смена парадигм посткоммунистической трансформации // *Социол. исслед.* 2002. N 9. См. также: *Коровицына Н. В.* От изучения общественных трансформаций к обновленным восточноевропейским исследованиям // *Социол. исслед.* 2004. N 11.